

А. ВЕРХОВСКИЙ

РАЗВЕДКА „ОТРЯДНОЙ ВОЙНЫ“ И СОВРЕМЕННАЯ РАЗВЕДКА

МЫ ЗНАЕМ, что огонь достигает своей цели — уничтожения противника — лишь, если наш огонь либо превосходит противника своей мощностью, организованностью, либо захватывает противника в невыгодном тактическом положении (охват, окружение) или в неблагоприятных условиях местности.

В этих случаях сопротивление противника бывает сломлено и он должен погибнуть или выполнить нашу волю. Но как достичь такого выгодного положения для огневой борьбы? Это — задача маневра.

Маневром мы называем все передвижения войск до боя, во время и после него, цель которых создать указанное выгодное положение для применения оружия, а также использовать достигнутый результат для полного уничтожения врага. Но точно также маневром мы называем передвижения войск в тех случаях, когда действия противника создали нам невыгодные условия для боя и мы выводим свои войска из-под удара противника. Искусный маневр должен: 1) найти слабую точку противника, 2) сосредоточить против нее превосходные силы, 3) выполнить это в такой срок и в таких условиях, чтобы неприятель не мог помочь атакованному участку.

С другой стороны, он должен во-время обнаружить занесенный удар врага и уклониться от его сокрушающего действия.

В этих положениях мало нового. Они стары, как вечно враждующее человечество, и умрут лишь тогда, когда будет, наконец, побеждена война.

Однако, нет войны, где бы целый ряд военачальников не сделался бы жертвой хорошо рассчитанного маневра противника.

Либо они не знают куда наносить удар, либо они не знают, что сами находятся под занесенным ударом врага.

Общие положения об искусстве маневра были известны русскому командованию к началу мировой войны так же хорошо, как и германскому; польскому так же хорошо, как и нашему красному; тем не менее мы имеем ряд грубых ошибок русских в операции армии Самсонова в Вост. Пруссии.

Не менее грубые ошибки были сделаны 1-й германской армией в битве на Марне в сентябре 1914 года.

Поляки не сумели понять маневра красных в начале июля 1919 года (июльское наступление западного фронта), но с другой стороны красное командование оказалось жертвой польского маневра под Варшавой. Наш удар пошел в тот район, где нельзя было рассчитывать

на успех и, наоборот, наша наиболее слабая точка была внезапно атакована поляками. Их маневр не был нами разгадан.

Мы не сомневаемся ни на минуту, что германское командование, шедшее на Париж, очень хорошо было осведомлено о «принципах», «основах» маневра, и тем не менее катастрофа Клука на Марне будет вместе с Танненбергом долгое время образцом, на котором будут учить маленьких детей, как не надо воевать.

До сих пор эти операции изучались с «широких», «всеобъемлющих» точек зрения, но ясного представления, чем же объяснить потрясающие поражения в этих боях, до сих пор нет.

Мы слышим на всех перекрестках о «Каннах» Шлиффена, о «Марне», основная идея которых легла в основу организации боя Гинденбургом и Пилсудским, но это только первый шаг к тому, чтобы понять почему удался этот блестящий маневр.

Нужно внимательно изучить не только широкое оперативное творчество, но понять, как подойти к той или другой основной идее, как оценить обстановку и определить, что «Канны» уместны, так как они были уместны для Гинденбурга под Сольдау, но неуместны для Клука под Парижем. «Таранный удар» уместен для красных 4 июля, но неосуществим под Варшавой.

Основная идея только тогда ценна и дает победу, если она вырастает из знания фактов, хотя бы в общих чертах, из верной оценки обстановки. Она должна уловить то, что в обстановке своеобразно, понять ее сильные и слабые стороны.

Основная идея организует те элементы, которые есть налицо. Но если попробовать навязать жизни основную идею, не вросшую корнями в ее реальную, непрیکрашенную действительность, она не дает ничего иного, кроме неудачи.

Посмотрим, в чем же дело? От чего в приведенных выше примерах зависела слепота одного командования, неверная оценка им обстановки и, наоборот, чем объяснить верную оценку, ясный взгляд на боевую действительность противной стороны? Это—центральный вопрос, с пониманием которого надо начинать изучение маневра.

Подходя к этому вопросу, необходимо отметить, что взгляды на разведку и обеспечение к началу мировой войны сложились на опыте «отрядных» войн. Веер слабых раз'ездов, дополненный после появления авиации отдельными самолетами,—вот все из чего слагалась разведка. Для русской армии школой была война 1877 г. Для немцев—1870 г. Опыт японской войны еще не был учтен, и широкие круги армии, начиная с уставной комиссии, не понимали, какие выгоды должны быть сделаны для того, чтобы в обстановке работы «массовой» армии научиться понимать окружающую действительность во всем ее громадном размахе.

Рассмотрим несколько операций, наиболее характерных в этом отношении.

На схеме № 1 мы даем взаимное положение сторон к вечеру 12 августа, в сражении под Сольдау, положение, в котором германский план вырисовался с совершенной ясностью. Немцы, имея на своей стороне общее значительное численное превосходство, сдерживают русский центр (XV и XIII корпуса) обороной одного усиленного XX корпуса и атакуют оба фланга русских (I и VI корпуса) двойными силами, имея в этих точках почти тройное превосходство в числе и калибре орудий.

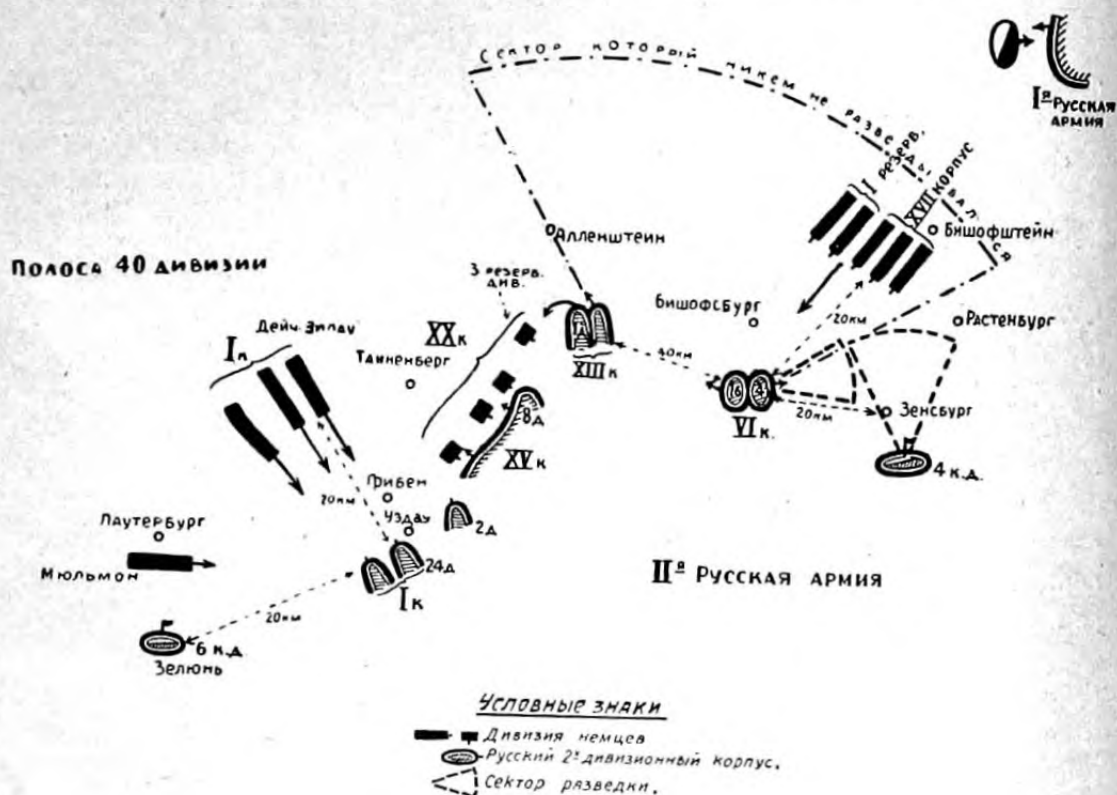

Схема № 1. Взаимное положение сторон к вечеру 12/25 августа 1914 г. Завязка боя армия Самсонова

Как немцы этого достигли?

Прежде всего, они точно знали силы и группировку русских.

1) Их земная разведка велась на всем широком фронте наступления русских ¹⁾ пограничной стражей, поддержанной местным ландштурмом (пехота и артиллерия).

2) Эта разведка велась не только путем наблюдения, но боем. Ландштурмисты оказывали сопротивление разведке и охранению русских; мало того, каждый русский корпус, только сломав завесу ландштурма, мог с боем продвигаться вперед; этим он показывал свои силы. Ландштурм с таким упорством дрался, что кав. дивизии русских не могли преодолеть его сопротивления (правда, они действовали лишь фронтальным наскоком).

1) Людендорф — «Мои воспоминания», стр. 44.

3) Затем, по всему фронту вели разведку самолеты германцев, легко наблюдавшие длинные колонны русских корпусов и дивизий.

4) Наконец, тайная разведка работала настолько успешно, что шифр русских радиogramм был известен немцам, они читали русские приказы и окончательно уточняли сведения от земной и воздушной разведок.

Немцы вели игру с открытыми картами, зная каждый корпус, каждую дивизию русских. Поэтому они могли бесстрашно перейти в наступление с растянутого, но зато охватывающего фронта. Ширина германского фронта, 12 числа, от Бишофштейна до Лаутербурга была 120 км. В то же время фронт пехотных корпусов русских от Бишофсбурга до Уздау был 80 км.

Затем они нацелили на оба фланга русских превосходные силы.

Верно направленный мощный удар дал нужный результат.

Наоборот, русские шли с завязанными глазами. Директива от 10/23 августа ¹⁾ считала противника разбитым и приказывала его преследовать. Против 4½ корпусов считалось всего 2 дивизии XX корпуса.

Воздушной разведке русское командование не придавало веры, ибо она указывала на присутствие масс немцев там, где по мнению командования никого не было. Летчиков упрекали в том, что они свои войска принимают за неприятеля.

Тайная разведка своего дела не сделала, она не была организована в мирное время, на нее не давали средств. Просто смешно читать заявления Николаи (см. его «Тайные силы») о замечательной агентурной разведке русских в Пруссии. Мы ничего от нее не получали.

Еще в меньшей степени сделала его конница. Мы не имеем специального исследования о работе конницы 2-й армии и не можем дать прямой ответ: каким образом 3 кавалерийских дивизии, на фронте армии в 80 км, с открытыми флангами, дали себя запереть и двигались позади пехотных корпусов. Но мы имеем ряд косвенных указаний ²⁾ о способах ведения разведки русской кавалерией.

Дальняя разведка велась слабыми раз'ездами: конный корпус Хана-Нахичеванского, действовавший с 1 армией, выслал в период боев Сталупенен—Гумбинен 3—6 раз'ездов силой до 1 взвода; между тем, силы корпуса достигали 70 эск., 32 пулем. и 42 оруд. ³⁾ Естественно, что такие слабые раз'езды не могли проникнуть через охраняющие части противника. Когда же русская конница пыталась боем вырвать у неприятеля нужные сведения, то тактическая неподготовленность конницы сводила ее усилия к нулю. Она была лобовыми ударами на узком

¹⁾ „Военно-Истор. Сборник“ № 3, стр. 118.

²⁾ Положение 13/25 августа прав. фланга армии: VI корпус у Бишофсбурга, 4 кав. дивизия у Зенебурга—уступом на ю.-вост., т.-е. назад на 20 км. Левый фланг армии: I корпус—Уздау, 6 и 15 кав. дивизии—у Зелюнь, т.-е. уступом назад на ю.-зап. на 20 км („Военно-Истор. Сборник“ № 3, стр. 131).

³⁾ Рогвольд—„Конница I армии“, стр. 52 и 56.

фронте, пренебрегала маневром на фланги и потому, естественно, небольшой заслон на дороге мог ее остановить. Так, конный корпус при атаке Краупшикена был развернут на фронте всего в 4 км ¹⁾ и во фронтальном ударе некоторые полки (кавалергарды и конный полк) потеряли более 1/2 своих офицеров и 30% всадников.

В другом бою 6-я кав. дивизия 1 августа, при переходе прусской границы, выкатила свои батареи на открытую позицию; противник уничтожил батареи (что и нужно было ожидать) огнем батарей с закрытых позиций. После этого пытались взять позицию германского ландштурма, усиленную проволокой, фронтальной атакой в конном строю. Неудивительно, что армейская конница, так подготовленная, не могла дать сколько-нибудь серьезных результатов по разведке, и корпуса шли втемную, ничего не зная о группировке противника в крупных чертах.

Именно этой неясностью обстановки, неясностью, вытекавшей из неудовлетворительной разведки, надо объяснить тот факт, что во время армейского сражения, судьба которого решалась 13 и 14 августа, XIII корпус шел на Алленштейн, где не было ни одного человека, в то время, как справа в VI корпусе и слева в XX корпусе шли бои, решавшие судьбу операции.

А ведь до войны все хорошо знали значение разведки! Здесь же, когда дело дошло до практического разрешения вопроса, он был разрешен совершенно неудовлетворительно.

Можно было ждать, однако, что если стратегическая разведка ничего не давала, то хотя бы войсковая разведка—дивизионная конница и пехота—сделают свое дело. К вечеру 12 августа на обоих флангах противники сблизились до перехода и, естественно, хорошо налаженная войсковая разведка должна была определить, что происходит у противника, а именно: наблюдение воздушное и земное определило бы подход крупной артиллерии, а захват и опрос его пленных установил бы время и план атаки, определил бы нависающую угрозу.

Посмотрим, что было на самом деле. Командир I русского корпуса получил сведения о движении противника с севера от Грибен и с запада от Лаутербург ²⁾, но силы и действительная группировка врага были для него закрыты. Поэтому, решение его заслониться с севера и атаковать на запад, совершенно верное теоретически (активная оборона), было совершенно несообразно с действительностью, ибо на 24-ю дивизию, в наскоро укрепленной позиции, внезапно обрушился весь I германский корпус с тройным превосходством сил.

Чем же объяснить такую внезапность? Ведь целые сутки 13/VIII русские и немцы стояли друг против друга, и тем не менее русские не сумели заглянуть за охранение и передовые линии немцев.

Причину надо искать в том, что методы разведки 1914 года были разработаны лишь на тот случай, когда надо было искать врага вдалеке;

¹⁾ Рогвольд — „Конница I армии“, стр. 63.

²⁾ „Военно-Истор. Сборник“ № 3, стр. 134.

но методы разведки при непосредственном соприкосновении известны не были. Между тем, наблюдение за противником, а, главное, организованный захват пленных в ночь с 12 на 13/VIII и, в особенности, с 13 на 14 раскрыли бы глаза командиру I русского корпуса.

Что может дать захват пленных, показывает пример Бузулук-Бугурусланской операции Фрунзе в апреле 1919 г. ¹⁾

По опросу пленных и по приказам, на них захваченным, Фрунзе смог составить себе ясное представление о группировке врага.

В Сольдауской операции положение VI корпуса было еще более тяжело, чем положение I корпуса. Все внимание было привлечено указаниями штаба армии на восток на Растенбург ²⁾, куда, якобы, отошел разбитый I армией противник. На север на Бишофштейн разведки не велось. Поэтому, о наступлении I резерви. и XVII герм. корпусов командование VI русского корпуса не знало и, оставив 4-ю дивизию у Бишофсбурга, она другую, 16-ю, послала на Алленштейн, на помощь соседу. В результате 4-я дивизия была внезапно атакована 2-мя корпусами и, после героического сопротивления, к вечеру отступила на юг.

XIII корпус имел для разведки 4 сотни пограничников и передал их в дивизии, приказав разведывать в полосе наступления: полосы наступления были даны от Алленштейна на юго-запад и, вдобавок, менялись несколько раз ³⁾. Поэтому, даже перед фронтом, дивизии, сбитые с толку, не сумели осветить обстановку. 1-я дивизия (XIII корп.), шедшая на запад на помощь 8-й дивизии (XV корп.), приняла ее за противника и вступила с ней в бой ⁴⁾. Противник же появился с востока, с той стороны, откуда ожидали подхода VI корпуса. В чем же дело?

В то время, как XIII корпус свернул на помощь XV корпусу, сбиившийся летчик принес сведения, что колонна не менее дивизии движется по направлению от Бишофсбурга. Для выяснения был послан раз'езд, не вернувшийся, однако, обратно, а следом за этим, корпус был атакован с тыла.

Мы видим, что и ближняя разведка не сделала своего дела. Почему же? Она не была организована. Штаб армии направил разведку VI корпуса на Растенбург; оставил XIII корпус без всякого указания куда разведывать; не исправил полосы разведки XIII корпуса, когда он направил ее на юго-запад; этим путем создавалось положение, при котором широкий сектор на север от Бишофштейна до Алленштейна никто не разведывал. Противник же подошел именно отсюда.

Там же, где разведка велась (I корпус, XIII корпус) хотя бы частью в нужном направлении, там она велась слабыми силами. Их противник сметал, или же они упирались в охраняющие части и ничего дать не могли.

1) Зайончковский — „Восточный фронт“, Сб. Вое. академия, стр. 17.

2) „Военно-Истор. Сборник“ № 3, стр. 130.

3) „Военный Сборник“ № 4, Белград, статья Фукса и Ключева, стр. 157.

4) „Военный Сборник“ № 4, стр. 160.

Таким образом, ни армейская, ни войсковая разведка не дали сведений, способных раскрыть глаза русскому командованию.

Причины неудачи:

- 1) разведка не была планомерно организована; она шла не по всему фронту, а лишь на отдельных участках;
- 2) велась слабыми раз'ездами, а не боем сильных частей;
- 3) захват пленных не ставился прямой целью разведки;
- 4) воздушная разведка не была согласована с земной;
- 5) тайной разведки не было.

Возьмем другой пример, где действовали первые ученики в военном деле—хваленые немцы: I Армия ген. ф.- Клука под Парижем (схема № 2). Она завершила пресловутые «Канны». Ее удар по отступающим

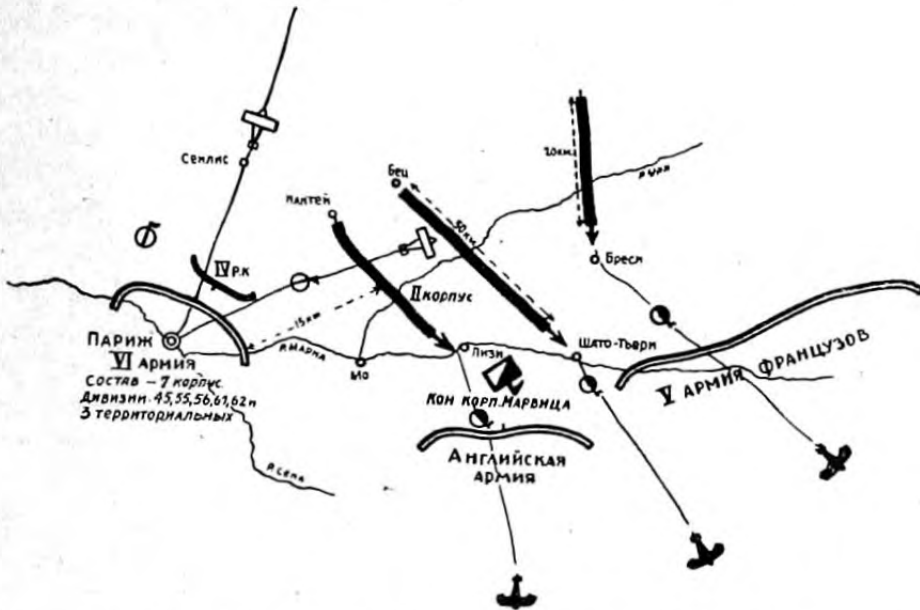

Схема № 2. Разведка немцев и французов 1—3 сентября 1914 г. на р. Урк

за Марну англичанам имел целью обойти западное крыло французов у Шато-Тьерри и окружить их. «Немцы были верны стратегическим заветам Мольтке, относящимся еще к... 1859 г. (??). Мольтке писал в своем мемуаре: «Если французская армия будет сгруппирована в районе Реймса, то нам необходимо отбросить ее сначала за Марну, Сену... и потом только идти на Париж»¹⁾.

Именно под влиянием этой идеи все внимание Клука сосредоточено на фронт Шато-Тьерри—Мо. Сюда направлена воздушная разведка, сюда брошен конный корпус Марвица. В этом направлении идет войсковая разведка корпусов.

В сторону Парижа разведывает только IV резервный корпус, не имевший конницы и авиации²⁾.

¹⁾ Новицкий — «Военные действия во Франции в 1914 г.», стр. 129.

²⁾ Kluck — «Der Marsch auf Paris», особенно стр. 111 и 156.

Начавшееся 4-го сентября наступление армии Монури из Парижа — пишет Гейнер ¹⁾, командующий германскими воздушными силами — не было обнаружено из-за отсутствия у IV корпуса летных средств, и в силу того, что внимание авиационной разведки II арм. корпуса было направлено, главным образом, в южном направлении. — «Специальных заданий разведке на правом фланге не давалось».

Мало того, прием систематического захвата пленных и выяснение, по их показаниям, обстановки в начале войны еще не были общепризнанным приемом. Между тем, именно пленные, взятые на парижском фронте, могли бы дать ценнейшие указания о том, что делалось за стенами крепости, а особенно на его вокзалах, где прибывали подкрепления со всех участков фронта. Старые методы разведки отрядной войны, отдельных раз'ездов на земле и отдельных самолетов, не работающих по общему плану, дали себя знать. Только планомерное сочетание всех приемов разведки могло в этом сложном случае, при слабых средствах, на огромном фронте, прикрытом почти везде охраняющей завесой, дать нужные сведения. Воздушная разведка осветила бы весь фронт, конная нащупала бы противника, а разведка сильными отрядами, с захватом пленных, опять-таки по всему фронту открыла бы глаза на то, что делается за полосой охранения врага. Батальоны IV рез. корпуса, захватом пленных, выполняли бы армейскую задачу разведки. Но батальоны могли ее выполнить, лишь если они о ней знали, т.е. если штаб армии эту задачу поставил.

Неудивительно, что сосредоточение в Париже армии из 10-ти дивизий прошло для них незамеченным и «неожиданно раскрылись стены (??) Парижской крепости и как из-под земли выросла новая армия» ²⁾.

Этот случай невольно напоминает случай с петухом, которому положили голову на землю и провели по голове и потом по земле мелом белую линию. Видя перед носом белую полосу, петух воображает, что он привязан к ней, и не пробует поднять голову. Генерал Клок и его штаб были приказом своим связаны направлением на Шато-Тьерри и кроме этого направления ничего не хотели видеть.

Действительная боевая обстановка прошла незамеченной в то время, как химера владела вниманием.

Наоборот, та картина, которая дана на схеме № 2, была совершенно ясна генералу Галиени, коменданту Парижа, в 12 ч. 3 сентября ³⁾. Воздушная и конная разведка, охватившая весь фронт от Урк до Сенлис и Сены, совершенно ясно видела, что немцы подставили им свой фланг. Разведывательная сводка от 4 сентября 1914 года ⁴⁾ твердо устанавливает это. Таким образом, планомерная разведка, проведенная на

¹⁾ Гейнер — „Война Германии в воздухе“, стр. 18 и 20.

²⁾ Повицкий — „Военные действия во Франции в 1914 г.“, стр. 129.

³⁾ Gallieni — „Mémoires“, стр. 60, 90, 91.

⁴⁾ Там же, стр. 201.

всем фронте, не зашифрованная предвзятой идеей, раскрыла действительную обстановку и позволила уверенно и твердо провести удар по самому больному месту германцев.

Не менее ярка обстановка сражения под Варшавой в 1920 году (схема № 3). После отхода поляков от Нарева и Буга нужно было решать, что делать дальше. Вопрос — наступать или остановиться — был решен свыше, и армии оставалось лишь определить куда наносить удар.

Основная группировка сил поляков по данным полевого штаба к 11 августа ¹⁾, а также по мнению западного фронта находилась в районе Цеханов — Новогеоргиевск — Варшава ²⁾. Стоя на этой точке зрения, командование обсуждало только два варианта: удар по северному — на Цеханов, или по южному флангу, в обход Варшавы с юга.

Между тем, фланг был вовсе не в Варшаве. В районе Ивангород—Коцк составлялась новая группа: IV армия поляков силою до 30 тыс. Существование этой группы было неизвестно как в Мозырской группе, в XVI армии, так и в западном фронте. Командующий западным фронтом, по взятым пленным, ясно видит, что противник усиливается перед его фронтом за счет юго-западного фронта, но усиление он видит все же к северу от Варшавы, а не на линии р. Вепрж.

Появление IV армии поляков в этом районе было неожиданностью для всех и повело к самым тяжелым последствиям. Чем же объяснить такое общее неверное понимание обстановки, на которой был построен план операции. Какова была организация разведки?

Воздушная разведка отсутствовала. За реку Шара (250 километров к востоку от Варшавы), по свидетельству т. Путьна (комдива 27 в составе XVI армии), не перелетел ни один наш самолет ³⁾. Кавалерийской разведки (армейской конницы на южном фланге западного фронта не было) на фронте Гарволин—Ивангород—р. Вепрж—Коцк—Любартов не велось. Тайная разведка отсутствовала. Захват пленных дал бы, как видно, много, но с р. Вепрж пленных не было, и этот наиболее верный способ также ничего не дал.

Ясно, что, не имея средств разведки на этом участке, мы ничего и знать не могли.

Но если армейская разведка ничего не могла дать, то оставалась надежда на разведку войсковую. Мозырская группа, наступавшая на этот фронт в 160 км, имела всего 164 сабли и от 2-х до 4-х тысяч штыков, и те занимали не весь фронт, а шли в 3-х группах: 57-я дивизия — на Гарволин, особый отряд — на Коцк и 58 дивизия — на Любартов. В секторе Гарволин—Коцк (80 км) не было ни одного разведчика. А именно на этом фронте развернулся Пилсудский, так же, как I рез и XVII корпуса в Сольдауской операции подошли с севера, куда также

¹⁾ Какурин и Меликов — „Война с белополяками“, схема № 15.

²⁾ Тухачевский — „Поход за Вислу“, стр. 43.

³⁾ Путьна — „Описание похода за Вислу“, стр. 54 (рукопись).

РАЗВЕДКА „ОТЯДНОЙ ВОИНЫ“ И СОВРЕМЕННАЯ РАЗВЕДКА

никакой разведки не было. Таким образом, и здесь дело совершенно ясно.

Все внимание нашего командования, все его усилия сосредоточены к северу от Варшавы и на ней. Здесь оно ищет решения, сюда направляет разведку и здесь довольно верно понимает обстановку.

○ Цеханов

○ Новогеоргиевск

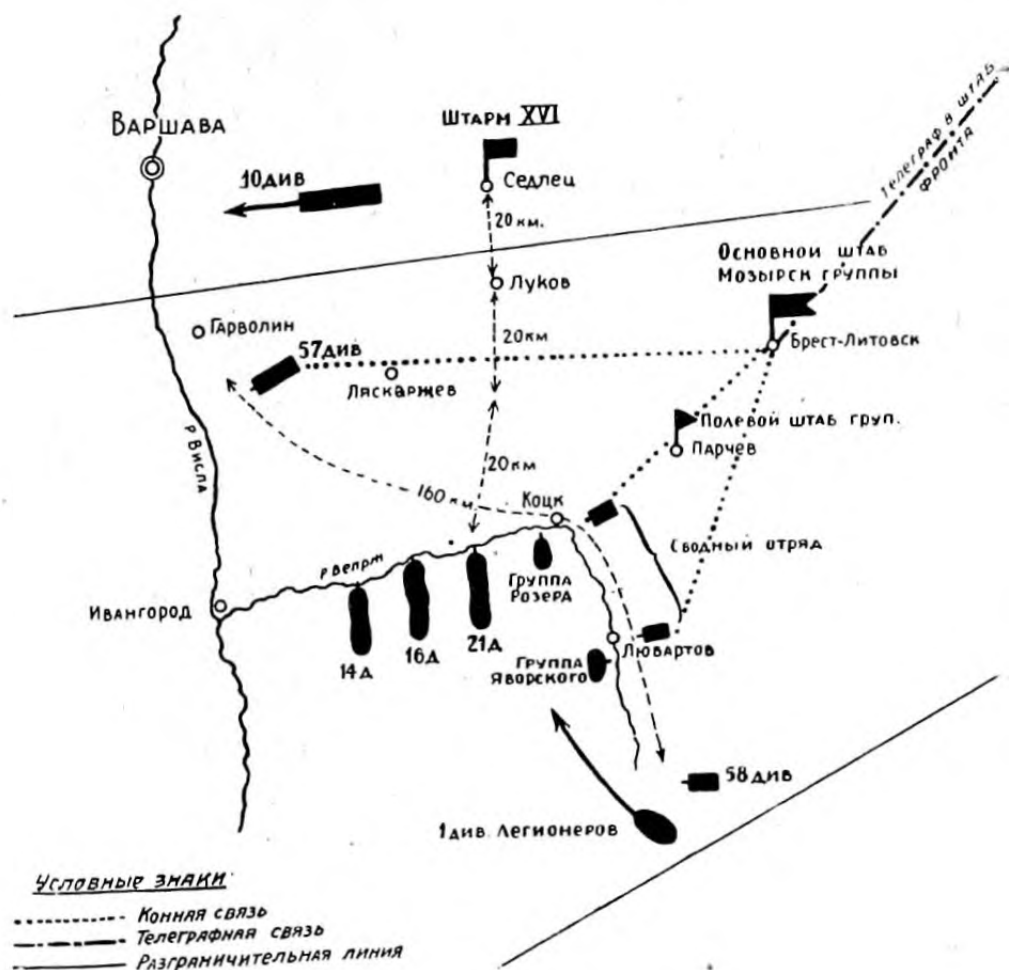

Схема № 3. Расположение Мозырской группы и ее связь к утру 16/VII—1920 года

Но командование не организует разведки на всем фронте; поэтому обстановка передним открыта лишь частично и, как для Клука на р. Урк, новая армия вырастает, как из-под земли.

Подведем итог. Если вы хотите понимать обстановку, то:

1) весь фронт должен быть покрыт разведкой, а не только те участки, где вы ищете решения;

2) разведка должна быть организована старшим командованием, распределяющим так задачи между своими средствами разведки и разведкой своих подчиненных, чтобы весь фронт был освещен;

3) разведка должна идти не только слабыми разведчиками, не только наблюдением, но боем; а это достигается выделением на разведку соединений всех родов войск.

Охрана флангов. Мы со всем вниманием остановились на вопросе, о том, как найти слабое место на фронте неприятеля с тем, чтобы знать куда направить свой удар.

Но исследование будет не полно, если не ответить на другой вопрос: что делать, чтобы во время обнаружить удар врага, и настолько во время, чтобы успеть от него уклониться?

Мы должны указать на то, что, говоря об искусстве маневра, нельзя упускать из виду 3-й момент, из которого складывается обеспечение, это— охранение фланга и тыла.

Маневр производит наибольшее впечатление, когда он обрушивается внезапно. Неуменше разведывать, охраняться у противника дают здесь совершенно исключительные возможности. Операции под Варшавой в 1920 г., в Восточной Пруссии в 1914 г. дают тому ряд поразительных примеров. Таковы бой 105-го полка у Сталупенена; бой у Матернишки (Гумбинен), атака с тыла XIII корпуса немцами у Алленштейна и т. п. Они все построены по одной схеме. На фланг или в тыл высылаются слабый отряд, а то просто 1—2 раз'езда, которые дают в лучшем случае то, что может дать разведка наблюдением, а именно— сведения о движении небольших частей противника. Охранения неприятеля отгоняют разведчиков. Заглянуть за охранение разведчики, конечно, не могут.

В худшем же случае, как это было с XIII корпусом, слабый раз'езд просто исчезает; погиб ли он или рассеялся — неизвестно, во всяком случае, сведений не дал никаких.

Между тем, эти раз'езды были единственной мерой обеспечения фланга. Дальше, вплоть до живого тела боевого порядка, никакой защиты не было, кроме мер ближнего охранения. Благодаря этому, атакующие части врага врезались в боевой порядок с тыла и фланга и не встречали сколько-нибудь организованного сопротивления.

Рассмотрим более подробно охранение фланга 16-й армии под Варшавой, порученного Мозырской группе.

Ведя удар на фронт Новогеоргиевск — Варшава, мы имели на стыке с юго-западным фронтом, на участке Гарволин — Коцк — Любартов, в 160 км, 2—4 тысячи бойцов, 164 всадника¹⁾.

Эта обеспечивающая часть была в таком расстоянии от путей отступления XVI армии, на которые мог выйти противник, — скажем на

¹⁾ Какурин и Меликов — „Война с белополяками“, стр. 305.

линию р. Буг, как и части XVI армии. Следовательно, удаление обеспечивающего отряда было достаточное. Тем не менее Мозырская группа не предупредила катастрофы и вот почему.

Средства разведки и наблюдения — на 160 км 164 всадника, ни одного самолета и никакой агентуры. Сосредоточение IV армии (4½ дивизии) поляков за Вепрежем не было замечено нами.

И это при том условии, что судьба нам благоприятствовала. В штаб Мозырской группы приехал на автомобиле офицер генерального штаба поляков 21-й дивизии, считавший, что Парчев еще занят поляками. На этом офицере был найден приказ, раскрывший формирование армии поляков за Вепрежем. Но, так как это сведение не было проверено войсковой разведкой, к нему отнеслись, и это — естественно, без большого доверия. Он никак не повлиял на планы красного командования.

Самый переход поляков в наступление 16-го утром встретил «пустое» пространство ¹⁾. Так оно и было в действительности: 4 тысячи человек ²⁾ на фронте в 160 км. это — ничто. Сводный отряд был в районе Коцк—Парчев—Любартов, а 57-я дивизия — у Гарволина, на интервале в 80 км, никем не занятом. К вечеру 17-го штаб 21-й дивизии поляков расположился в Лукове ³⁾, в 20 км от Седлеца, где стоял штаб XVI армии ⁴⁾. Два дня наступления поляков были уже позади; они висели над тылами всего западного фронта. Между тем, командующий западным фронтом не знал об угрожающей опасности и в беседе с главным командующим ⁵⁾ считал, что Мозырская группа занимает линию Ляскаржев—Парчев, в 20 км к югу от Лукова; 40 км марша в тыл фронта, требовавшие от XVI армии и фронта совершенно новых решений, не были им известны. В то время, как дом уже горел со всех концов, хозяин считал, что около него неосторожно шалят с огнем.

Обеспечения операции, т. е. разведки, не было на всем почти фронте, где собиралась ударная группа поляков, так же, как в армии Самсонова ее не было на всем секторе Вишофштейн—Алленштейн, откуда пошел удар, сломавший восточный фланг II армии.

Мало того, даже то, что с трудом узнавал командующий Мозырской группы, он не мог во время сообщить своему командующему фронтом, ибо прямой проволочной связи у него не было, и он должен был посылать донесения через Брест, находившийся от него в 80 км, откуда только и начиналась проволочная связь.

Таким образом, катастрофа под Варшавой объясняется в такой же степени верным решением Пилсудского, как отсутствием обеспечения фланга западного фронта.

Не менее яркое другой эпизод — катастрофа 105-го полка 7 августа 1914 года. Она интересна тем, что в ней необычайно ясно сказались

¹⁾ Пилсудский — „1920 год“, стр. 129.

²⁾ Какурин и Меликов — схема № 15 („Соотношение сил“).

³⁾ Пилсудский — „1920 год“, стр. 131.

⁴⁾ Какурин и Меликов — схема № 14.

⁵⁾ Какурин и Меликов — стр. 316.

характерная в массовых армиях надежда на соседа, которого в действительности не оказалось на месте.

Когда старая армия готовилась к мировой войне, то теоретически вопрос обеспечения фланга не был забыт и ему уделялось много внимания. Но эти меры охранения казались нужными на открытом фланге, движение же в разграничительных линиях приучало смотреть на него поверхностно.

27-я русская дивизия наступала 7 августа 1914 года в пределы Восточной Пруссии (схема № 4). На левом фланге дивизии отдельной колонной наступал 105-й Оренбургский полк. Выступая, согласно полу-

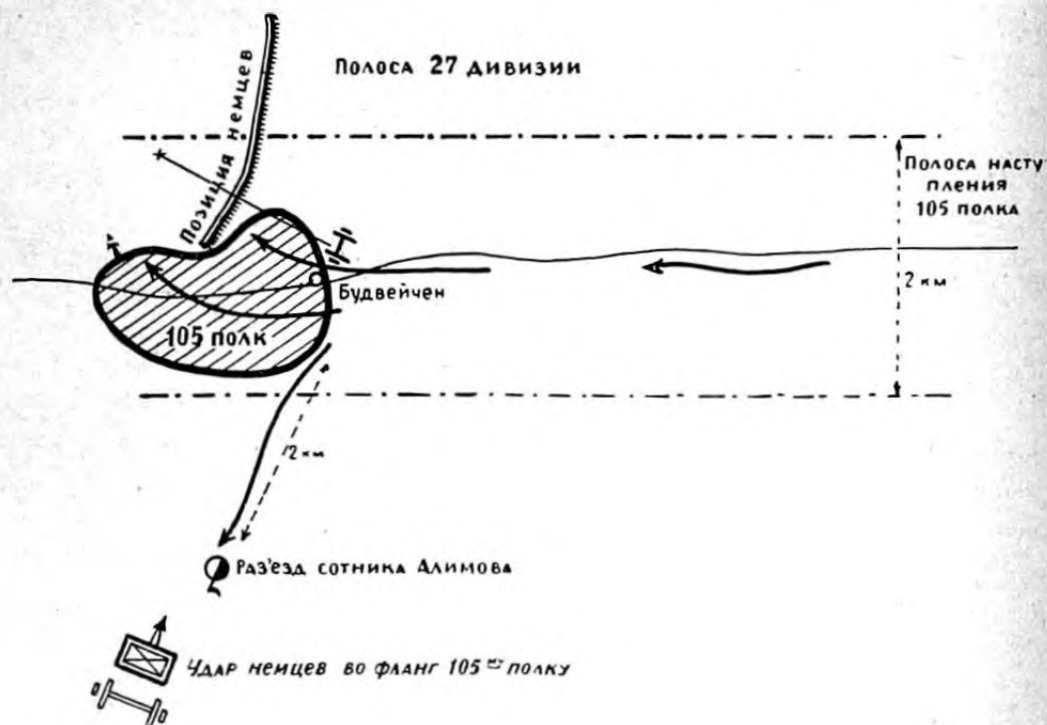

Схема № 4

ченного приказа, 105-й полк организовал разведку прямо перед собой, в границах своей полосы, и получил от своих разъездов и дозоров сведения, что район предстоящего наступления занят передовыми частями конницы и пехоты неприятеля.

О соседях было известно, что соседняя колонна 27-й дивизии справа наступает в 3 километрах севернее, 40-я дивизия наступает южнее за разграничительной линией, проходившей в одном километре от дороги, указанной 105-му полку.

В 10 час. 30 мин. авангард 105-го полка донес, что занял станцию Будвейчен, что противник расположен к северу от нее, а к югу район от противника свободен; выяснилось, что 105-й полк имел возможность обойти фланг германцев и выйти им в тыл. Ни в каком другом направлении противника заметно не было.

Через полчаса 105-й полк получил приказ атаковать во фланг и тыл врага.

Одновременно с переходом в наступление, командир полка послал на юг, через разграничительную линию, казачий раз'езд, который, от'ехавши на 3 версты, донес, что встретил взвод пехоты и обстрелял его.

Между тем, наступление полка успешно развивалось. Батарея, приданная полку, открыла огонь, и когда в суতোлке разгоравшегося боя командиру полка подали донесение раз'езда, он принял его за обычное в то время недоразумение, считая, что это передовые части 40-й дивизии приняли казачий раз'езд за прусских кирасир.

Около часа была замечена на юге пыль двигающейся колонны, которая командиром полка была принята за давно ожидаемую 40 дивизию.

Дальнейшие сведения о судьбе 105-го полка мы узнаем из донесений соседей. Стоявший в резерве командир 108-го полка, в двух километрах к северу, в 16½ часов, донес по телефону в штаб дивизии о паническом бегстве 105-го полка. В 17 часов побежали остальные полки 27-й дивизии, на которые в дальнейшем обрушился удар германцев, подошедших с юга и внезапно атаковавших беспечный 105-й полк. Немцев было 4 батальона, при 5 батареях. 105-й полк потерял: 31 офицера и 2 900 солдат, а вся дивизия—6 600 человек в этот день.

Мало того, правофланговая дивизия III корпуса, успешно дравшаяся в этот день и нанеся, совместно со своим северным соседом, серьезное поражение германцам, должна была остановить развитие своего успеха. Внезапный выход во фланг корпуса в составе трех дивизий всего 4 батальонов противника привел к тому, что успешно развивавшееся наступление обратилось в неудачу, а уже достигнутую победу пришлось прервать.

В чем же заключалась причина этой неудачи? Сейчас, прочитав весь этот эпизод с начала и до конца, просто ответить, что причина неудачи была в отсутствии обеспечения фланга. 40-я дивизия отстала на границе и во время боя была в 16 км на юго-востоке. Но ведь фланг был примкнут к разграничительной линии. Не может же каждый начальник, не доверяя соседям, вести разведку во все стороны, особенно имея в виду тот крайний недостаток средств разведки войсковой конницы, с которым постоянно приходится считаться. Конечно, такое дублирование разведки на соседние полосы, как общее правило, трудно рекомендовать. Но можно и нужно настаивать на другом. Недостаточно прочитать в приказе, что в двух километрах от вас наступает соседняя колонна. Нужно быть убежденным, что она там действительно есть, и что разграничительная линия отделяет вашу полосу разведки от действительно ведущейся там разведки соседа. Именно для этого наш устав обращает внимание на необходимость посылки делегатов для связи, обеспеченных достаточным количеством средств связи.

После того, как выяснилась возможность опасности на открытый фланг, должны были быть направлены разведывающие и обеспечивающие части. 105-й полк послал раз'езд в 15 коней. Этот раз'езд заметил взвод пехоты, и этим взводом был прогнан. Обычно большего он сделать не может: раз'езд заметит охраняющие части и будет ими отеснен. Чтобы заставить показать то, что идет за охраняющими частями, нужно иметь пехоту, нужно «ассигновать» тяжелое оружие и артиллерию. Такое предложение часто вызывает жалобные возгласы, что в бою каждая рота и каждый взвод артиллерии необходимы и их нельзя разбрасывать неизвестно куда с тем, чтобы они не были участвующими, а только присутствующими на поле сражения. Я прошу обратить внимание читателя, что собой представляет фланг 105-го полка. Ведь, это одновременно был фланг и наиболее слабая точка не только полка, но дивизии и корпуса. Неудача на этом фланге повлекла за собой неудачу боя всего III корпуса. Во сколько же раз было выгоднее пожертвовать роту стоявшего в резерве 108-го полка и одну из 48 пушек, стрелявших по неприятелю, и... своевременно узнать об угрожающей опасности, чем жертвовать этим и оказаться внезапно атакованным. Мы видим, что командир корпуса переложил обязанность обеспечения фланга корпуса на 27-ю дивизию, 27-я дивизия на 105-й полк, а 105-й полк на лихого сотника Алимова, который от'ехал на 2 километра от фланга и оттуда бодро посылал донесения.

Значение связи. Разбирая вопрос о методах, при помощи которых командир составит себе ясное представление о положении вещей, нужно отметить еще одно крайне важное явление. Ведь каждое сведение о противнике ценно не тогда, когда его узнает разведчик, а тогда, когда оно сделается известным тому начальнику, от которого зависит принять решение. Я уже показал значение этого факта на примере Мозырской группы, когда сведения о натиске поляков из-за Вепрежа опоздали на двое суток. Еще более ярко значение связи видно на разборе операций под Сольдау.

Действительно, 13-го днем потерпела поражение 4-я дивизия VI корпуса. 14-го—24-я дивизия I корпуса. Бой этих дивизий, и очень тяжелый, показал ясно сосредоточение крупных сил против фланга: 13 августа против восточного фланга, а 14-го—против западного.

Еще было время и возможность, а наступающая ночь вполне тому благоприятствовала, сделать все нужные выводы. Отвести XIII и XV корпуса соответственно к Едвабно—Нейденбург, затем всей II армией вести затяжной бой и ускорить движение I армии в тыл немцам. Но, на беду, в русской армии связь не была организована. VI корпус к вечеру 13-го отошел на переход на юг, а XIII корпус на следующий день продолжал покойно маневрировать в районе Алленштейна. Радиограмма VI корпуса, где он сообщал о своей неудаче шифром, не была разобрана XIII корпусом, ибо шифра в штабе корпуса... не было ¹⁾. 14 августа I корпус отошел на переход на юг, но только днем

15-го это отражается на операциях его соседа—XIII и XV корпусов. Проволочной связи не установили. Делегаты связи не были высланы, и центр армии вел бой в то время, когда оба фланга были опрокинуты. В результате, XIII и XV корпуса отойти не успели и были окружены.

Изучение исторических примеров можно продолжить как угодно долго. Основные положения разведки в современных условиях массовой, вооруженной автоматическим оружием, армии вырисовываются на этих примерах со всей отчетливостью, резко расходясь с методами разведки «отрядной» войны XIX века.

Заключение. Современная разведка располагает массой сил и средств. Это, прежде всего, армейские средства: авиация, армейская конница и тайная агентура; далее, войсковая разведка, наблюдение, бой, захват пленных. Но если на разведку имеются громадные средства, зато и развернуть их приходится на громадных фронтах. Мы знаем общий закон массовых организаций. Если мы хотим, чтобы они были продуктивны, их деятельность должна быть планомерна.

Что мы понимаем под планомерностью?

1) Должны быть определены все задачи, разрешение которых важно начальнику; например, II армии Самсонова было важно разведывать: а) рокадные линии жел. дорог на фронте и флангах армии, б) сеть грунтовых путей на фронте и в глубине.

2) Главное должно быть отделено от второстепенного, и наличные средства распределены соответственно наличным целям. Важнейшие цели должны привлечь большее внимание, но ни одна не должна быть оставлена без внимания (необследованное разведкой направление на Париж; на Бишофсбург у Самсонова; в операции на р. Вепрж в 1920 году).

3) К разрешению каждой задачи направлены те силы и средства, которые лучше всего могут их разрешить, а не наоборот, как это было у Клук, где корпусная конница IV рез. корпуса должна была разведывать крепость Париж.

4) Обычно наличные средства у начальника не дают возможности осветить все.

План разведки должен установить какие задачи начальник может разрешить сам (например, Клок—разведку на Шато-Тьери своей армейской авиацией и конницей Марвица), а какие задания он передоверяет и кому именно (например: воздушную разведку Парижа и его железнодорожные узлы — авиации II корпуса, а захват пленных — IV корпусу).

Командир 105-го полка мог бы взять на себя (сотня в его распоряжении) разведку на фланге и передать разведку впереди пехоте авангарда.

Весь фронт и глубина полосы освещения, которые представляют интерес, должны быть полностью разделены разграничительными ли-

1) И это в то время, как Людендорф такой шифр имел.

ниями по фронту и в глубину между исполнителями так, чтобы все задачи были выполнены, и не было вздваивания, например, корпусной и армейской авиации на одних целях. При этом только условия можно было обнаружить перевозку по жел. дорогам к Парижу или к Дейч-Эйлау, решившие участь соответствующих операций.

5) Совершенно так же придется поступать при организации конной разведки. При наличии больших средств и узких фронтах возможно насаивание разведки, но средств конной разведки почти никогда не хватает. При насаивании разведки 4 кав. дивизии и VI корпуса на Растенбург, у VI корпуса нехватило сил для разведки на север. Богатая германская армия под Парижем проиграла решающую битву войны потому, что средств разведки у нее нехватило и целая армия «внезапно» выросла на ее фланге. Отсюда возникает категорическое требование плана использования конницы, распределяя ее тоже по всему фронту так, чтобы ни одно направление не осталось неразведанным, сгущая ее там, где сведения нам более нужны.

Отсюда вытекает снова требование передачи части общих для всего соединения задач подчиненным органам с тем, чтобы весь массовый организм армии участвовал в общей разведке так же, как в бою каждая часть выполняет долю общей работы.

Лозунгом разведки «отрядной» войны XIX века было: «каждый за себя, а бог за всех». Лозунг нашей разведки — «коллективное усилие, организованное общим планом».

6) Другая особенность современной разведки, это — несоответствие цели «классических» раз'ездов, составлявших основу разведки «отрядной» войны. Раз'езды сейчас, при наличии охранения, снабженного автоматическим оружием, бессильны разрешить задачи разведки. Они могут лишь, как наблюдатель на улице, рассмотреть «дом снаружи, но заглянуть что в нем, живет ли там кто-нибудь, или он пустой» они — не в силах, как не в силах была разведка I корпуса русских под Сольдау определить, что за охраняющими частями германцев подготавливается громовой удар.

Свойства оружия не были учтены к началу мировой войны. И средство разведки, годное в давнем прошлом, отказало в условиях, к которым оно не приспособлено.

Нам нужна разведка силой. Но конницы в войсках всегда мало. Мы должны ее массировать для боевой работы. Отсюда вырастает прямое требование: от исключительно конной разведки перейти к разведке отрядами всех родов войск. Такие отряды, несомненно, вскрыли бы обстановку под Парижем, на р. Вепрже, или в направлении на Вишофштейн и дали бы командованию ясную картину обстановки.

7) Но и это еще не будет выводом, доведенным до его логического предела. Огнестрельное оружие и его дальнбойность развернули бой на громадную глубину. Поэтому доставка донесений раз'ездов посыльными со скоростью 8—10 км в час оказывается совершенно недоста-

точной, вне рамок эскадрона и разведывательного отряда. При невнимании к этому оказывается, что целые раз'езды, как это было в XIII корпусе под Сольдау, как в воду канут, не давая никаких сведений, приводя дело к катастрофе.

Быстрота доставки донесений не есть более роскошь. Организация связи с разведкой, это — категорическое требование к организатору разведки.

Так же важна связь с разведкой соседей. Очень часто именно у вашего соседа есть сведения, решающим образом влияющие и на ваши действия. Например, сведения о появлении противника в крупных силах у Сольдау и Бишофсбурга было у I и VI корпусов, но это сведение не дошло до их соседей и было причиной их гибели.

Итак, современная разведка требует:

- 1) планомерности в распределении сил и средств по фронту, в глубину и по времени;
- 2) боя; раньше считалось, что разведка боем есть завязка самого боя; в современных условиях «силовая» разведка, разведка боем может быть и до боя и там, где мы вовсе не собираемся драться;
- 3) распределения целей разведки между своими разведывательными средствами и разведкой подчиненных;
- 4) связи с разведывательными органами и разведкой соседей.